

несерьезно
о серьезном

Ирина Фоменкова

СМЕХ
ДЛЯ ВСЕХ

Ирина Фоменкова

Смех для всех

«Четыре четверти»

2016

Фоменкова И.

Смех для всех / И. Фоменкова — «Четыре четверти», 2016

ISBN 978-985-7103-21-8

Книга Ирины Фоменковой включает ее новые юмористические рассказы. Автор то с доброжелательной улыбкой, то с оттенком иронии говорит об обычных проявлениях жизни, призывая читателя не терять чувство юмора в любой, даже самой нестандартной, ситуации. Герои ее произведений — люди, которые живут рядом с нами. Через испытания судьбы каждый из них проходит по-своему, но всегда — с достоинством. В книге есть место и лирике, и философии, и интриге.

ISBN 978-985-7103-21-8

© Фоменкова И., 2016

© Четыре четверти, 2016

Содержание

Кладовая мудрости и оптимизма	6
Юмор из моей записной книжки	7
Что было, то было...	8
Фото для газеты	10
Как наше слово отзовется	11
В поисках сюжета	13
После развода	15
Я подожду	17
Былое и думы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Фоменкова

Смех для всех

Рассказы

© Фоменкова И. В., 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Кладовая мудрости и оптимизма

Вместо предисловия

Эрнест Хемингуэй говорил: «Человек – единственное существо на Земле, которое умеет смеяться, хотя как раз у него меньше всего для этого поводов». Может быть, именно это свойство помогло человечеству выжить? Юмор восстанавливает то, что разрушают неудача и обида, сомнение и пафос, гордыня и негодование...

Во все времена в народе популярны пословицы и поговорки, смешные рассказы и юморески, афоризмы и анекдоты, в которых, по словам Марка Твена, – минимум слов и максимум мыслей. Вершина комического изображения явлений жизни – это творческое сплетение народного и литературного юмора.

В XIX веке остроумные краткие изречения с сатирическим оттенком ценились на вес золота. Многие из них пришли к нам из произведений Пушкина и Гоголя, басен Крылова и рассказов Чехова, творчества Аверченко и Зощенко...

История юмористики доказывает, что читателю нужен любой смех: и тот, что с грустью (но не «черный»!), и тот, что по-философски учит жить (но ненавязчиво!), и смех ради смеха (но без пошлости!). Главное, чтобы он оставался для каждого из нас кладовой мудрости и оптимизма. Ведь порой так хочется прорваться сквозь суровые реалии жизни с улыбкой...

Юмор из моей записной книжки

Пиши и знай: кому надо – разберется.

Всякая шутка надвое растворена: коту потешно, а мышке на беду.

Ни печали без радости, ни радости без печали.

Владимир Даль. Пословицы и поговорки

Социальная реклама: все наладится – кризисы будут регулярными и предсказуемыми.

Все так боятся стать никем в этой жизни, что становятся кем попало.

Еженедельник «Аргументы и факты»

Во всякой перестройке главное не победа, а участие.

Культурный обмен: мы им Ростроповича, Солженицина, Нуриева, а они нам – прах Шляпина.

Пока семь раз отмерять будешь, другие из рук вырвут.

Журнал «Огонек»

– Здоровье не купишь.

– А кто его продает?

«Домашняя газета»

Мне все время кажется, что я проживаю «черновик», а «чистовик» еще впереди.

Габриэль Гарсиа Маркес

Мы, конечно, последние присоединились к смеху над собой, но уж теперь нас никто не остановит!

Михаил Жванецкий

Что было, то было...

Зачем пишется юмористика?

Ведь и так смешно!

Осип Мандельштам

Сегодня время писателей. В том смысле, что писателей больше, чем читателей. Современный читатель, соблазненный коварным Интернетом, многоканальным телевидением и пр., все больше отдаляется от книги. Словом, писатели все меньше пересекаются с читателями...

Сидим мы как-то в тесном кругу товарищей по перу на маленькой кухне обычной городской квартиры, попиваем чаек и говорим о наболевшем. В прокуренном воздухе витает вечный вопрос: «Что делать?».

И тут один поэт сказал:

– Надо прорываться! А именно: овладевать искусством саморекламы... Ведь мы с вами, дорогие мои коллеги, не пиаримся, а, извините, паримся... В собственном соку.

– В собственном соку жарятся, – автоматически поправил собеседника литературный критик.

– Да какая разница?! – разгорячился сторонник саморекламы. – Я вот на днях слушал одного поэта. По его словам получается: и тут он всем известен, и там его ценят... Как в песне: «Прошло всего каких-то десять лет, и стало ясно, что я поэт». А я слушаю и жду, когда он хотя бы одно стихотворение свое прочитает в подтверждение собственной значимости.

– И что? – встрепнулись все и услышали радостное:

– Прочитал!

– Да ну? И о чем был поэтический шедевр?

– О кобыле, которую громом убило.

Все замерли, но останавливать приятеля не стали.

– У меня в ответ, – признался он, – тут же свои стихи получились.

Вот послушайте:

Что было, ребята, то было:

Громом кобылу убило.

И сердце от горя заныло,

Стучать оно стало уныло.

Литературный критик вдохновенно продолжил:

Чего так жалеть ту кобылу?

Пустили б лошадку на мыло...

Жена критика закричала:

– Ой, послушайте мой вариант!

Что было, то было:

С воза со скрипом упала кобыла...

Любитель пиара, давясь смехом, простонал в ответ:

С воза обычно падает баба.

Кобыла, как правило, этому рада!..

Долго мы еще, смеясь, импровизировали на эту благодатную тему. Правда, дальше кухни коллективный «шедевр» не понесли.

Фото для газеты

В один прекрасный день нам с мужем позвонили из очень крупной газеты и сообщили, что опубликуют присланные нами материалы, но необходимо срочно прислать наши фотографии.

Мы, естественно, обрадовались и тут же послали фотографии десятилетней давности, где мы моложе и фотогеничнее.

Через пару дней нам позвонили снова и сказали: «Нет! Снимки газету не устраивают: это вчерашний день! Снимки... Далее: Передайте новые по электронной почте». Мы вздохнули и передали. Через два часа читаем: «Пришлите другие! Эти некачественные».

«Вот уж точно: какое качество, если тебе хорошо за шестьдесят», – подумали мы об оригинале. А газета категорически предложила собственного корреспондента, который все сделает на высшем уровне. «Будьте готовы!» – заканчивалось электронное послание.

– Всегда готовы! – ответили мы автоматически, вспомнив пионерское детство.

В назначенное время в квартиру вошел парень, весь искрящийся молодостью и доброжелательностью.

Очень скоро мы поняли, что самая тяжелая работа не у космонавтов или милиционеров, а у фотомоделей. Нам вежливо предлагали рассказывать что-нибудь веселое (чтобы поймать в кадр момент естественной радости жизни), поворачивать голову, вращать глазами, прятать второй подбородок... Лично я почувствовала, что ко мне приходит моя последняя минута славы, но муж героически держался и гордо демонстрировал свои награды.

Чтобы добиться большей естественности и раскованности, фотокорреспондент предложил мужу согнуть левую ногу и положить ее на правое колено, придерживая рукой пятку для устойчивости положения.

– Как ковбой? – спросила я.

– Как Черчилль на Ялтинской конференции, – серьезно ответил он.

Мы вместе стали водружать ногу на колено, но она предательски не гнулась. И тогда я предложила:

– А давайте ногу сфотографируем отдельно. Я повешу ее в рамочке на стену и подпишу: «Нога великого поэта»!

Все расхохотались, а фотограф Саня, не теряя времени, снова защелкал фотоаппаратом. И получились самые замечательные фотографии.

Жаль, что они тоже не понравились. Потому что ни опубликованных наших статей, ни фотографий мы так и не дождались: слишком серьезная была газета.

Как наше слово отзовется

Однажды мы с одним известным поэтом выступали в детском саду.

В большом зале были расставлены маленькие стульчики для детей и большие для взрослых. Звучала веселая музыка. Под эту музыку в зал начали заходить дети, нарядные, притихшие и какие-то настороженные. Видимо, перед этим получили серьезные инструкции воспитателей о том, как должны вести себя культурные дети на встрече с поэтами. Мне даже показалось, что детишки чего-то побаивались. А может быть, не были уверены, что сумеют долго выдержать без привычных шалостей.

Все шло по плану. Я коротко и вдохновенно рассказала о творческой судьбе писателя, о том, как он пишет стихи. В общем, заморочила детишек окончательно. И чтобы как-то исправить ситуацию, в конце сказала:

– Сейчас поэт прочитает свои стихотворения, и вы узнаете, какие они веселые и радостные.

Мне бы на этом и закончить, но я ударилась в воспоминания:

– Недавно мы встречались с такими же хорошими ребятами в другом детском садике, и там все так смеялись, что некоторые дети падали от смеха со стульчиков, чуть не стукаясь лбом об пол.

В глазах у ребятшек проснулись интерес и готовность следовать примеру сверстников. Поэт начал весело читать свои замечательные стихи.

*Я за котиком бежала,
Поскользнулась и упала.
Нехорошая дорожка
Поцарапала мне ножку.
Я с ней больше не дружу,
По другой теперь хожу.*

Дети заметно оживились. Но что было потом!.. После каждого нового стихотворения первые ряды стали дружно падать на четвереньки и стучаться лбами о пол, а следующие ряды – на спины впереди сидевших и безудержно хохотать! Воспитательницы метались между детьми и пытались их успокоить. Я тихонько попросила поэта перейти к загадкам, надеясь, что это отвлечет его слушателей, но он впал в ребячество и, наоборот, начал выуживать из памяти самые веселые стихи.

*Купил однажды слон
Мобильный телефон...*

Теперь дети дружно изображали слона, говорящего по телефону и кричали: «Алло! Алло!».

А поэт совсем раззадорился и прочитал скороговорку:

*Попугаю Гошке
Грелкой грели ножки.
Свои ножки Гошка
Застудил немножко...*

Тут смеяться стали все: и воспитатели, и малыши, и родители, и заведующая детским садом, и даже повара.

Когда все закончилось, дети окружили поэта и многие положили свои ладошки ему на плечи, руки и даже на голову. Они хотели прикоснуться к живому стихотворцу. Так с этими ладошками его и сфотографировали. На память. Долгую.

В поисках сюжета

Мой любимый старый парк в центре города часто становится для меня источником новых сюжетов. То бабушки подарят свои воспоминания, то их правнуки что-то смешное нащепечут, то сама природа вдохновит.

В тот ясный солнечный день я устроилась у фонтана и умиротворенно провожала взглядом тихие струи воды. Зрелище располагало к раздумьям о смысле жизни, о годах, бегущих, как эта вода...

И тут мое внимание привлекла женщина, как говорят, без определенного возраста. Ее хрупкая фигурка скорее соответствовала определению худышка. На женщине были легкий топ и светлые джинсы-дудочки, получившие в среде молодежи прозвище «натянутые отношения». В глубине больших серых глаз затаилась холодная сдержанность.

Я замерла в предвкушении свежего сюжета.

Женщина, видимо, почувствовала мое внимание. Она вынула темные очки и спряталась за ними. Жаль! Сюжет, явно, уплывал от меня.

Но через несколько минут рядом с худышкой остановилась высокая, статная, крупная, вся, как яблоко, крепкая – не укусишь – такая же молодящаяся женщина. В одной руке была модная дорогая сумка в черно-красную клетку, в другой – зонтик последней модели. На голове маленькая шляпа той же расцветки в красно-черную клетку, что и сумка. Короче, «брызги шотландского». Не женщина, а олицетворение успеха.

Она всплеснула точеными ручками и громко обрадовалась:

– Катка! Это ты? Сколько лет, сколько зим! Здравствуй! Мы ведь с выпускного не виделись!

Джинсовая Катя несколько мгновений распознавала подружку. Наконец, узнала и радостно поморщилась:

– Светка! Надо же, какая встреча!

У Светки-«шотландки» восклицательное состояние тут же перешло в вопросительное. Она присела около приятельницы и окунула ее в поток искреннего любопытства:

– Ну, ты как? Где? Замужем? Дети? Карьера? Дом? Машина?

Собеседница вытащила сигарету и закурила; видимо обдумывала, на какой вопрос начать давать ответ, но подруга опередила ее:

– Ты помнишь Володьку Зубрицкого? Шкаф такой был, с антресолями. И антресоли оказались совсем не пустыми. Он у меня успешный бизнесмен.

– У тебя? – вскинула ресницы подруга детства.

– Ну да, мы уже пятнадцать лет женаты. Помню, помню, – игриво продолжила она, – как ты по нему сохла!

Катя стряхнула пепел так, словно это был пепел ее когда-то сторевавшей любви к Володьке Зубрицкому, и перевела разговор в другое русло.

– Так ты у нас теперь, как говорят, с зонтиком в руках и перспективой?

Подруга не заметила иронии, вынула пачку дорогих сигарет и тоже закурила. Теперь они солидарно вдыхали дым воспоминаний.

– Лично у меня ближайшая перспектива, – защебетала успешная Света, – достроить загородный дом. – А муж... Я уже боюсь, что скоро забуду, как он выглядит. Весь в деньгах и в работе. Еще и ехидничает, что последние отчеты сдал, все налоги заплатил, а заснуть не может: голод не дает.

– Голод-то почему?

– Так голод на новую прибыль! – засмеялась Света.

– А эти чудо-прибыли к нам совсем не прибыли... – думая о своем, промолвила собеседница.

– Почему это? – не поняла теперь жена бизнесмена.

– Да это я так, пошутила, – спохватилась Катя.

– Ой, да что я все о себе? – Света наконец заметила отсутствующий взгляд подруги. – Я помню: ты за нашего отличника сразу после школы замуж выскочила. Уж Генка от тебя точно без ума был. Мы все удивлялись, как он еще при этом на золотую медаль тянет!

– Было дело, да не спелось.

– А что так?

Катя оживилась:

– Представляешь! Я ему два года в уши ныла на тему: «Ты меня совсем не любишь!».

– И что? – округлила глаза подруга.

– Убедила... – усмехнулась Катя. – Смотри, никогда не делай этой ошибки.

Подруга детства поморгала.

– Слушай, жалко-то как! – Света поправила шляпку и взбодрилась. – Ну, ничего страшного, дорогая. Вся жизнь впереди, надейся и жди! – Она вскочила и бодро продолжила. – Извини, у меня деловая встреча. Время – деньги. Ты не пропадай!

И она удалилась, твердо ступая на асфальт своими крепкими ножками.

– Вот блин, угораздило же так встретиться! – процедила ей вслед Катя...

А я поспешила домой, чтобы написать рассказ. У меня уже и название зарождалось где-то в подсознании – «Женская дружба».

После развода

*Юмор – это спасательный круг
на волнах жизни.*

Вильгельм Раабе

Михаил сидел с удочкой над тихой заводью Дарихи и блаженствовал. Речка была неширокая, неглубокая и небыстрая. Прямо напротив, на другом берегу, начиналось теперь другое государство – Литва. А Дариха несла свои воды мимо, напрямиком в Польшу. Так что, можно сказать, он сидел на самом краю своей родной Беларуси.

Предвкушая полное умиротворение, Михаил вытащил сигарету. Сигарета была из блока, купленного еще бывшей женой. Это сразу напомнило ему недавний, как он говорил, «драко-разводный» процесс, и душа его подернулась легкой рябью, как водная гладь под ветерком.

Хорошо, что есть на земле милая деревенька с чудесной речкой Дарихой, старенькие гостеприимные родственники по маминой линии, вросшие в эти благословенные места всей своей жизнью! Здесь Михаил каждый раз обогащал легкие запасом кислорода, и дышать надолго становилось легче. Чаще всего он приезжал сюда с другом детства – весельчаком и балагуром, вечным холостяком, как он сам себя называл, Санькой Шарановым. Быть коммуникабельным и холостым его обязывала профессия журналиста. Эх, жаль, что он в командировке, а то вместе бы порыбачили...

Сегодня рыба совсем обленилась: сомлела от дневной жары и не клевала. Михаил ни о чем не жалел, снялся с насиженного места и строевым шагом кадрового военного направился к дому.

Через полчаса он отрыл дверь и остановился на мгновение с веселым изумлением. На столе красовался коньяк, а за столом, раздумавшись и распустив пухлую нижнюю губу, радовался продуманному сюрпризу Санька Шаранов.

– Ты? – выдохнул Михаил. – Какими ветрами?

– А вот вспомнил о старых друзьях, – ласково глянул на хозяев Саня, бросаясь в крепкие объятья друга. – Позвонил тебе, а твоя жена каким-то замогильным голосом говорит: «У него теперь новое место жительства и новый телефон». Я слегка напрягся, но ничего спрашивать не стал. Не мужское это дело – в семейные дела лезть. Позвонил твоей матери. Загрузился по полной и поехал сюда. Понимаешь, иногда вот так прицепится к тебе общая несклонность к любой разновидности труда, на отдых потянет, – балагурил Шаранов, пока Михаил снимал рыбацкую экипировку.

Хозяин дома, сухонький, жилистый, бодрый старичок, сидел в полной боевой готовности наливать новые стопки и добродушно ухмылялся.

– Давай, присоединяйся! – Шаранов пригласил друга к столу, заставленному закусками. – Попробуем, как говорят наши соседи братья-поляки, и тэго, и другого. Мне, кстати, Короткевич наш в этом смысле очень нравится в «Черном замке Ольшанском»: вкручивает в текст слова старобелорусские, польские, и звучат они, как музыка.

Михаил смутился: он не читал знаменитый детектив, только кино немного помнил. Где ж военному человеку до родных корней литературных докопаться! Военный, как врач, должен прежде всего военную анатомию знать.

Незаметно подкрался вечер. Друзья вышли на крыльцо. Сумерки были пропитаны запахом свежего сена, сосновой смолы... Они шумно, раздувая ноздри, как застоявшиеся кони, втянули запах вольницы, засмеялись и, сразу соскучившись по куреву, затянулись сигаретным дымком.

– Так у нас одним холостяком стало больше? – хитро сощурился Санька. – Не горюй! Может, еще все устаканится. А может, и нет. По мне, так лучшее средство от развода – не жениться вообще.

Полная луна солидарно ухмылялась вместе с лучшим другом.

– Зачем тебе страсти? – Шаранов, как проповедник, поднял руки к небу. – Кроткие наследуют Землю! Это Библия учит.

Михаил попытался глубже осмыслить эти слова, но сознание разленилось, как рыба в сегодняшней Дарихе, и не подчинялось привычной военной дисциплине.

Санька с радостно-глупым лицом, сильно отличающимся от того, что на в карточке паспорта, продолжал умничать:

– Вот как ты думаешь: почему у мужчин бывает седина в бороду, а бес в ребро?

– Какая седина? Мне всего тридцать!

– Это не про тебя конкретно, это в народе так говорят. Культурно это называется кризисом среднего возраста. То есть со всяким может случиться. Вот у женщин этого никогда не бывает!

– Почему же? – удивился Михаил.

– А у женщин бороды нет! – расхохотался Санька так, что Полкан выскочил из будки и ошалело залаял. Шаранов цыкнул на него и весело продолжил. – Биология у нас с тобой какая? Мужской мозг с возрастом быстрее теряет нервные клетки в той зоне, которая связана со способностью контролировать себя и прогнозировать последствия.

– А что, у женщин не так же?

– Женщина, – тоном опытного ловеласа, старательно подбирая слова, сказал Шаранов, – лучше защищена при возрастных изменениях нервной ткани более интенсивным мозговым кровообращением!

– Чего ж это Боженька им столько привилегий надавал?

– Это у него надо спросить, – вывернулся Санька и продолжил назидательно. – Мужчина патологически не способен вникать в чужие эмоции. Это чисто мужское заболевание. Природа выбрала мужчин для быстрого решения конкретных задач.

– А женщин для чего?

– А женщин назначила ответственными за межчеловеческие связи.

– Ладно, – неожиданно для себя смирился Михаил. – Давай этим и удовольствуемся... По крайней мере, ты, товарищ Шаранов, – шутя ткнул он его в широкую грудь, – точно вписываешься в изложенный алгоритм. Вместо того, чтобы накинуть слезонепромокаемую жилетку, выслушать друга, у которого в сердце свинцовое небо и настроение ниже нуля, ты бесстрастно развиваешь философию, которую я, когда буду в другом состоянии, опрокину на лопатки упрямыми вещдоками. И будет она лежать на спине и дрыгать ножками.

– Главное то, что ты слушал и думал. А выводы потом придут, – совсем уж невразумительно закончил Шаранов.

Утром они, как обычно, накололи дров старикам и двинулись на автобусную остановку. Солнце теплым караваем поднималось над горизонтом за их спинами и обещало новые радости жизни.

Я подожду

Арсений был видным мужчиной пятидесяти лет. Взгляд холодных серых глаз отражал сложившийся за годы работы в милиции жесткий, волевой характер. Работа его была заполнена трудными человеческими судьбами. Долгие годы его успокаивал родной дом, подрастающий сын. Но несколько лет назад жена умерла от инфаркта. Жить стало неуютно.

И вот однажды он встретил Майю – вдову бывшего начальника по службе. Это сближало. Майя блистала драгоценностями и писала стихи в прозе. Вечером при свечах она томно читала ему очередной опус: «У каждого человека своя свечка, свой путь, свой век, своя планида...».

Арсений, сбросив с плеч заботы прошедшего дня, забывался. Но прошло время, и он, привыкший к прозе реальной жизни, стал откровенно тяготиться всей этой романтической чепухой. И когда Майя попросила его написать что-нибудь в ее альбомчик пожеланий, он неожиданно для себя схулиганил:

*Пишу тебе – рука дрожит,
Гляжу в окно: петух бежит.*

Майя надулась, а он воспользовался этим и вечером, свободный и счастливый, в компании друзей делился опытом:

– Слушайте, ну что это такое? Теперь за женщинами даже поухаживать, как в старые добрые времена, не успеваешь! Куда спешат?

За столом засмеялись:

– Конкуренция, брат ты мой! С ней не подремлешь!

Арсений, хорошо выпивший, вдруг словно наяву увидел себя на рынке в качестве товара, которому столпившиеся женщины набивают цену, как на аукционе недвижимости...

Жизнь снова заполнили будни холостяка.

Юлю, известную в городе предпринимательницу, он встретил в налоговой инспекции, куда заехал по делам. Это была очень красивая, с точеными длинными ногами, очаровательная женщина. К тому же, моложе него. Юля тут же интуитивно почувствовала, что у одинокого подполковника «мертвый сезон» (в смысле женщин) и опытно включила все свои ресурсы обольстительницы. Уже на другой день Арсений с цветами и бутылкой шампанского появился в ее шикарном особняке. Навстречу выбежал великолепный сеттер и зарычал. Юля придержала его и гордо изрекла:

– Эта собака дворянских кровей!

«Все к дворянству потянулись, – мысленно усмехнулся он, – хотя бы собачьему».

Пса удалили. Арсений скоро уже сжимал Юлю в объятьях и представлял, как блаженно будет вытягивать ноги на роскошном диване, листать газеты после сытного ужина и ни о чем не думать. А она, вся во власти его сильных рук и горячего дыхания, думала о том, что теперь, слава Богу, в органах появится свой человек, да еще на такой должности, и за ним она будет как за каменной стеной. Юля всегда точно знала, чего хотела, и работала для достижения этой цели.

Однажды утром, наблюдая, как Юля просыпается, гибко потягиваясь и издавая откровенно мурлыкающие звуки, Арсений пошутил:

– Англичане говорят: «Если кошку не гладить, у нее высыхает хребет».

Юля тут же отреагировала:

– Не бойся! Я не позволю моему хребту засохнуть.

Это его царапнуло, и потом легкий рубец где-то внутри саднил и мешал. С этой женщиной надо было всегда держать «ушки на макушке»: быть умным, развивать ее идеи, делать

комплименты. К счастью, споткнувшись о его нежелание участвовать в бизнесе, Юля быстро утратила к нему интерес, и все кончилось само собой.

Прошел год.

В ясный осенний день он ехал к другу на дачу. По обочине дороги шла невысокая хрупкая женщина и, не оборачиваясь (видно, уже не надеялась остановить машину), лениво махала рукой следовавшим по ходу движения автомобилям. Арсений редко брал попутчиков. Но сейчас что-то заставило нажать на тормоза. Неведомая сила управляла им с этой минуты.

К опущенному стеклу машины склонилось круглое милое, слегка разгумившееся лицо, казавшееся совсем молодым в обрамлении светлой вязаной шапочки.

– До... (она назвала недалеко находившуюся пригородную деревеньку) подвезете? На автобус опоздала, – виновато оправдывалась она, как будто Арсений был ее начальником, – теперь могу на урок опоздать. А учителю это никак не позволено, – совсем по-детски добавила она.

Женщина аккуратно и легко устроилась рядом. Молчать было неудобно, и Арсений без лишних церемоний спросил:

– Как вас зовут, может, скажете?

– Лариса.

– Сколько детей? – вдруг ни с того ни с сего вырвалось у него.

– Семнадцать.

– Что?!

Она засмеялась:

– Учеников семнадцать, я в начальной школе работаю. А своя одна дочка, в техникуме учится.

– А-а-а! – засмеялся Арсений в ответ, и тут сам собой вырвался новый вопрос:

– Трудно одной?

– Что? – воскликнула теперь она. – Почему одной?... Откуда вы знаете?

– Я в милиции работаю: обязан все в глубину видеть.

Она недоверчиво вскинула на него светлые, как родник, глаза под тонкими в разлет бровями. Арсений протянул ей свое удостоверение. Лариса посмотрела.

«Имя у вас красивое», – вдруг услышал он и спросил:

– Вы когда занятия заканчиваете?

– В четыре. После уроков я еще в группе продленного дня подрабатываю.

– Можно я заеду за вами?

Она снова тревожно глянула в его сторону.

– Так я заеду! – твердо сказал он.

Около четырех Арсений подъехал к школе. Спросил у дежурной, где найти Ларису. Постучался и зашел в класс. Навстречу удивлением и радостью засветились ее родниковые глаза. Арсений обратился к детям:

– Ребята, а можно я заберу вашу учительницу?

И вдруг услышал дружное:

– Нельзя!

– Ну?! – удивился он. – Значит, хорошая она у вас, раз не хотите отпускать?

– Хо-ро-ша-я! – почти пропели малыши.

– Вот и я так думаю, – сказал Арсений и, обернувшись к Ларисе, продолжил. – Я вас подожду! – Потом тихо добавил. – Сколько надо, столько и подожду...

Былое и думы

За окном деревенской хаты на темнеющем фиолетовом небе хитро подмигивали первые звезды. Степаныч протер глаза в надежде, что старческая пелена отступит, и он снова увидит мерцание дальних планет, но легкий туман не рассеялся. Из-за него Степаныч теперь нечасто отлучался из дома, где уже шестой год жил один. На все уговоры сына переехать к нему в город, отвечал: «Пока на своих ногах, из родной хаты никуда не двинусь. Непонятна мне ваша городская жизнь!» Сухонький, жилистый, здесь он был при деле. То у верстака рубанком стружку кучерявил, то ножовкой дзинькал. Вечером привычная усталость настраивала на отдых на скамейке у старого забора и воспоминания о былом. Взгляд его при этом был с веселой хитринкой – взгляд человека, не поддающегося превратностям судьбы. За это и любили его соседи, шли к нему про жизнь поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.